УДК 94(47)

Матвеев Евгений Вячеславович
аспирант кафедры новейшей истории России
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Пермь, e-mail: matveev757@mail.ru

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА В ДИСКУРСЕ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ КАК РЕСУРС ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ КНИЖНОГО ДЕФИЦИТА В ПОЗДНИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Evgeniy V. Matveev
postgraduate student, department of modern history of Russia
Perm State University, Russia, Perm, e-mail: matveev757@mail.ru

HOME LIBRARY IN THE DISCOURSE OF THE ALL-UNION SOCIETY OF BOOK LOVERS AS A RESOURCE FOR SOLVING OF THE PROBLEM OF THE BOOK'S DEFICITE IN THE LATE SOVIET PERIOD

Аннотация. На основе анализа рекомендаций по работе с домашней библиотекой, а также персонофицированных примеров использования личного книжного собрания, выработанных для членов Всесоюзного общества книголюбов, рассматривается модель отношений власти и общества в условиях книжного дефицита в сфере чтения в поздний советский период. В ходе исследования делается следующий вывод: власть предлагала альтернативу отшельничеству в собственном книжном собрании в виде открытого и свободного книгообмена между членами общества, однако договорной характер отношений власти и общества способствовал тому, что рекомендации не были претворены в жизнь.

Ключевые слова: Всесоюзное общество книголюбов, дефицит, домашняя библиотека.

Abstract. This article is based on the analysis of recommendations for members of the all-Union society of book lovers. These recommendations were associated with home libraries. In conditions of the book deficit, the state saw in home libraries a resource that can solve the problem of that kind of the deficit. In the course of the study the next conclusion appeared: with the help of recommendations the government offered the citizens to open their collection of books for the wide public. Such a formula was one of the parties of relations between the power and the soviet society, which had the nature of the deal. The results were not comforting: a mass opening of home libraries did not happen.

Key words: The deficit, USSR, the all-Union society of book lovers, home libraries.

Всесоюзное общество книголюбов (далее — ВОК, Общество), основанное в середине 1970-х гг., было организовано властью с целью дополнительного регулирования читательской сферы. Через специфический формат массовой добровольной организации советским гражданам

© Матвеев Е.В., 2019

предлагались разные пути решения проблем, связанных с чтением, и главной из них — книжного дефицита. Последний объяснялся не отсутствием должного предложения, но иррациональным спросом, обозначенным как «библиомания», — бездумное накопление книг в личной библиотеке. В домашних книжных собраниях власть увидела ресурс к устранению дефицита. Через дискурс Общества предлагалась модель формирования и использования домашних библиотек — данная модель, в свою очередь, является одним из примеров отношений власти и общества в поздний советский период.

Тезис о том, что «…советский народ считается самым читающим народом в мире» [1, с. 115], произнесенный Л.И. Брежневым с трибуны XXIV съезда КПСС в 1971 г., стал одним из лейтмотивов позднего советского периода. Быстро ставшее житейским, это утверждение переросло в уверенность в высоком уровне собственной читательской культуры у простых советских читателей. Однако на пути «самого читающего» народа возникали препятствия. Самым очевидным среди них был книжный дефицит. В данной статье мы не будем подробно останавливаться на выяснении причин дефицита, но кратко обратим внимание на некоторые основные, на наш взгляд, моменты. Во-первых, чтение было одним из инструментов создания советского человека с 1920-х гг. Со временем, по мере формирования, читатель выходил из-под дисциплинарного контроля и, к примеру, отказывал традиционным институтам формирования читательского интереса — публичным библиотекам и образовательным учреждениям, самостоятельно определял круг своего чтения. К 1960-м гг. подобный тип читателя стал массовым; специалисты НПО «Всесоюзная книжная палата» назвали его «новым читателем» [3, с. 106]. Чтение рассматривалось последним, прежде всего, как досуговая практика, поэтому он выбирал наиболее популярные жанры массовой литературы детективы, любовные романы, приключения, триллеры и фантастику [6]. Власть не была способна удовлетворить лавинообразный спрос на такого рода литературу в течение всего периода.

Будучи дефицитом, книга вставала в один ряд с вещными символами советского престижа — хрустальным сервизом, к примеру. Обладание книгой становилось внешним атрибутом успеха советского человека, а ее внутреннее наполнение часто становилось второстепенным. Такое явление обозначалось как «библиомания» — накопление книг без цели их прямого использования. На этом фоне в 1970–1980-е гг. объем домашних библиотек активно возрастал и превзошел фонд публичных библиотек, по разным оценкам, до 10 раз (5 миллиардов против 50) [2].

Сфера чтения и книги постепенно выходила из-под контроля власти. Предположим, что создание Всесоюзного общества любителей книги являлось ответной мерой на возросшую инициативу читателей, одной из попыток навести порядок в данном поле. Пути решения проблем читательской сферы были отражены в Уставе Общества и методической литературе ВОК. Целями деятельности организации объявлялись:

— пропаганда книги и распространение политической литературы;

— формирование читательских вкусов, культуры чтения;

— анализ читательского спроса, сокращение дистанции между читателем и издателем;

— улучшение оборота книжной продукции, в том числе за счет включения в него личных собраний книголюбов.

Последний пункт стоит выделить особенно, поскольку именно домашняя библиотека служила определяющим критерием для отнесения обычного гражданина к разряду любителей книги. Так, признавалось, что «наиболее характерным и традиционным занятием книголюбов всегда считалось собирание личных коллекций в соответствии с личными интересами» [11, с. 24].

Власть выступала с дидактических позиций и через дискурс Общества давала рекомендации по формированию и использованию домашней библиотеки, приводила персонифицированные примеры правильного использования личной книжной коллекции. Данное исследование базируется на

концепции «маленькой сделки», предложенной американским политологом и советологом Дж.Р. Милларом в середине 1980-х гг. В соответствии с ней в 1970–1980-е гг. происходила коадаптация советских граждан и власти на взаимовыгодных условиях: режим шел на уступки и послабления, предоставление определенных благ в ответ на поддержку со стороны народа [12, с. 694–706]. Предположим, что выработанные внутри ВОК рекомендации и примеры выступали в качестве оферты со стороны власти и были нацелены на решение проблем сферы чтения, в первую очередь книжного дефицита. Целью данной статьи является поиск ответа на вопрос: каким образом личные библиотеки могли решить проблему книжного дефицита согласно рекомендациям, адресованным книголюбам? Ответ на вопрос, в свою очередь, позволит уточнить специфику отношений власти и общества в 1970–1980-е гг. В качестве источников были использованы элементы официального дискурса ВОК: методические рекомендации и обзорная литература, издаваемая Обществом. Статья будет разделена на две части: первая посвящена конструированию образа рекомендуемой модели идеальной домашней библиотеки, вторая — анализу персонифицированных примеров использования личных книжных собраний.

Образцовая библиотека

Образ идеальной, не основанной на конкретных примерах библиотеки достаточно подробно представлен в методических рекомендациях по работе с персональными книжными собраниями. Рекомендации включали в себя примерную структуру тематического наполнения, комплекс практик по уходу за книгой и бережному отношению к ней, советы по расположению книг в пространстве. К примеру, оптимальный книжный стеллаж должен был состоять из семи полок не более одного метра в длину, а высота между полками должна включать 3–4 сантиметра от книги до вышестоящей полки соответственно [7, с. 83–90].

Рекомендации, по нашему мнению, носили компромиссный характер: авторы учитывали сложившееся положение и стремились скорректировать

ситуацию. К примеру, с одной стороны, учитывался существующий тематический репертуар, где основное место занимала художественная литература — подобное наполнение легитимировалось в случае обязательного наличия политической литературы и изданий, связанных с профессиональным статусом книголюба. С другой стороны, признавалось эстетическое значение книги: «Для подлинного библиофила характерно не только вдумчивое отношение к приобретаемым книгам, но и желание и умение так организовать свою библиотеку, чтобы ею удобно было пользоваться, чтобы она украшала квартиру». Более того, собраниям сочинений, оформленным в едином стиле, стоило выбирать «наиболее видное место» [8, с. 254–256]. Но размещение книги в пространстве не могло стать самоцелью. По словам авторов цитируемого пособия: «В любой домашней библиотеке книга должна работать, <…> а не оставаться предметом обстановки» [8, с. 254].

Количественные параметры рекомендуемого домашнего собрания не определялись точными показателями, но были жестко привязаны к понимаемому властью статусу личной библиотеки — постоянно действующего источника информации. Общее правило по количественному наполнению личных библиотек было выражено в следующей формуле: «...существует один общий критерий: библиотека тем лучше, чем меньше в ней книг, которые после прочтения ставятся на полку и больше с нее не снимаются…» [5, с. 5]. Признавалось, что личные собрания в сотню книг стали редкостью, а библиотеки в 5000–10 000 томов значительно превосходили объем обычной домашней библиотеки — такие крупные собрания были «…нужны разве что специалистам» [4, с. 5]. Миссия рядовой личной библиотеки виделась в том, чтобы она являлась составной частью, ядром книжной сети, которая окружала обычного книголюба: помимо нее сюда входили книжные собрания коллег и товарищей, а также публичные библиотеки. Именно активный взаимный книгообмен оправдывал превышение жизненно обусловленного объема литературы в личном владении. Последний, кстати, определялся в одной из рекомендаций следующим образом: «Если

ежедневно читать по 50 страниц, то за всю жизнь можно прочесть примерно 3 тысячи двухсотстраничных книг» [4, с. 5].

Примеры обобществления домашних библиотек

Дискурс ВОК содержит в себе ряд персонифицированных примеров использования домашних библиотек, абсолютное большинство которых связано именно с практиками обобществления. Примеры представляется возможным разделить на два уровня, по степени обобществления:

— низкий уровень подразумевал простую передачу личных собраний во временное пользование коллег и соседей или в виде дара в разного уровня библиотеки, на комсомольские стройки, в общежития, в профильные учреждения и т.д. Так, к примеру, академик и поэт И.Г. Гришашвили: «Разыскал все издания поэмы Шота Руставели и передал Академии наук Грузинской ССР» [11, с. 24]. Отличительной особенностью является суверенитет приватной сферы книголюба;

— на уровень выше находятся примеры, в рамках которых книголюбы обеспечивали открытый доступ к своему книжному собранию. Чаще всего открытие происходило в формате самодеятельной общественной библиотеки. К примеру, «колхозный ученый» Т.С. Мальцев открыл свою библиотеку объемом более пяти тысяч томов для односельчан [1, с. 24], а В.М. Попова из Шахтинска три дня в неделю «с 16 до 20 часов» открывала свою библиотеку, содержащую 7,5 тысячи книг и журналов для горожан: «Ежемесячно этой библиотекой пользуются 500 читателей…» [9, с. 8]. Высшим пилотажем на этом фоне служат исключительные примеры супругов Т.И. и Е.Я. Демичевых из Курска и троих книголюбов из г. Ура-Тюбе — А. Бобоходжаева, Н. Назарова, а также Т. Абдулджалиловой — все они пожертвовали своим жилым пространством: открыли в своих домах общественные библиотеки, основанные на своих собственных книжных собраниях, и переселились в пристрои или технические помещения [10]. Всего официальный дискурс содержит более пятидесяти персонифицированных упоминаний об обобществленных в той или иной степени личных библиотеках.

С помощью ВОК власть предлагала членам Общества и, более широко, всем советским читателям модель, включающую воображаемую координатную прямую, на которой было расположено две поведенческие стратегии-крайности: на одном полюсе располагалось порицаемое отшельничество в своем книжном собрании, а на другом полное обобществление, в том числе пространства, занимаемого книжным собранием. Суть предложения составлял спектр практик, предлагаемый как норма и заключенный между этими двумя точками. В целом он предполагал, во-первых, неотъемлемый статус книги как информационного источника, а также отрицание вещного к ней отношения, заключавшегося в превращении ее в предмет интерьера; во-вторых, сдержанная и тщательно продуманная модель книжного накопления; в-третьих, включение собственного книжного собрания в имплицитную общественную сеть книгообмена. Все три функции были направлены, на наш взгляд, на преодоление книжного дефицита, однако они были адресованы исключительно потребителям книжной продукции и, в итоге, не решали проблемы отсутствия должной связи между совокупным спросом и предложением со стороны власти.

Кроме того, у описанной в данном исследовании властной оферты существовала обратная сторона, и это было характерно для сделки в границах ВОК в целом: выполнение условий сделки не было обязательным. Мягкий характер сделки замораживал сложившееся положение: предлагая такую формулировку, во-первых, власть снимала с себя ответственность, фактически отказываясь от варианта стремления к полному удовлетворению спроса в независимости от его причин (пусть даже и иррациональных); во-вторых, сделка не подразумевала ответственности за неисполнение ее повестки. Более того, любители книги даже при выборе закрытой стратегии сбора и пользования личной библиотекой оставались благополучателями от политики Общества, присоединяясь к процессу распределения книжного дефицита.

Таким образом, выработанные внутри ВОК рекомендации наряду с персонифицированными примерами были направлены на открытие

персональных библиотек и широкое внедрение практик общественного книгообмена среди членов Общества. Однако мягкий характер «маленькой сделки» между властью и гражданами в поздний советский период не способствовал претворению рекомендаций в жизнь: домашние библиотеки в большинстве случаев оставались закрытыми, а их открытие широкой публике по-прежнему являлось делом энтузиастов.

Список литературы

1. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет. М.: Политиздат, 1971. 598 с.
2. Андреева О.В., Волкова Л.Л., Говоров А.А. История книги. М.: Светотон, 2001. 400 с.
3. Васюнькин Ю. Спеши, пока горит свеча. М.: Сов. Россия, 1989. 127 с.
4. Домашняя библиотека книголюба. Комплектования и хранение: методическое пособие. Таллин.: Общество любителей книги Эстонской ССР,1977. 20 с.
5. Домашняя библиотека. Методические рекомендации в помощь организациям Общества и библиотекам по привлечению книг из личных собраний трудящихся в общественное пользование. Киев: Добровольное общество любителей книги Украинской ССР, 1988. 28 с.
6. Дубин А. Валерия Стельмах: «Отношение к книге сильно изменилось» [Электронный ресурс]. URL: http://www.urokiistorii.ru/memory/arc/51818 (дата обращения: 01.05.2019).
7. Краткий справочник книголюба. М.: Книга, 1976. 192 с.
8. Краткий справочник книголюба. М.: Книга, 1984. 480 с.
9. Материалы II Съезда Всесоюзного общества любителей книги. М.: Книга, 1980. 176 с.
10. Разделенная радость: Очерки о личных библиотеках, открытых для общ. пользования. М.: Книга, 1985. 112 с.
11. Учредительный съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. М.,1975. 160 с.
12. Millar James R. The Little Deal: Brezhnev s Contribution to Acquisitive Socialism // Slavic Review. 1985. № 44. P. 694–706